

«Азиатский диалог» в условиях глобальной геополитической турбулентности: обзор новой научно-образовательной программы СПбГУ и Фонда Горчакова

К. А. Лихачев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Лихачев К. А. «Азиатский диалог» в условиях глобальной геополитической турбулентности: обзор новой научно-образовательной программы СПбГУ и Фонда Горчакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 221–237. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.207>

В обзорной статье описываются итоги проходившей в СПбГУ в июне 2023 г. новой научно-образовательной программы в рамках совместного проекта СПбГУ и Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. Первый «Азиатский диалог» был посвящен проблематике Южной Азии, социально-политическим и торгово-экономическим вопросам развития стран региона, а также их отношениям с ведущими мировыми державами на глобальном уровне. Организаторы совместили экспертный формат обсуждений с образовательной деятельностью для участников летней школы «Азиатского диалога», получивших отличную возможность непосредственного общения с целой группой известных экспертов из России, Индии, Пакистана и Бангладеш. Образовательная часть была реализована в виде различных мероприятий, среди которых следует выделить дебаты, форсайт-сессию, ситуационный анализ и мастер-класс. В большинстве мероприятий в качестве слушателей принимали участие приглашенные эксперты, что позволило участникам летней школы продемонстрировать свои навыки перед жюри высокого уровня. Научная часть «Азиатского диалога» состояла из нескольких сессий, на которых ведущие специалисты по региону проводили обсуждение актуальной и сложной проблематики взаимоотношений стран Южной Азии в условиях усиливающейся геополитической турбулентности. В итоге были подробно рассмотрены ключевые проблемы региона Южной Азии и особенности отношений южно-азиатских стран с Россией, включая характер двусторонних политических и торгово-экономических отношений в контексте антироссийских санкций, а также особенности региональной безопасности. Каждая экспертная дискуссия предусматривала продолжительную сессию вопросов от участников летней школы, которые по достоинству оценили эту возможность. В целом участники и эксперты выразили надежду на продолжение и развитие подобного научно-образовательного формата в будущем.

Ключевые слова: Южная Азия, международное сотрудничество, летняя школа, экспертные дискуссии, международные и региональные исследования, Индия, Пакистан, Бангладеш, Афганистан.

Общая характеристика нового формата

С 4 по 8 июня 2023 г. в Санкт-Петербурге на базе факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета прошла первая научно-образовательная программа Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, посвященная диалогу между Россией и странами южноазиатского региона. «Азиатский диалог» был задуман как смешанный формат научно-образовательной летней школы, на площадке которой можно было бы совместить работу известных экспертов и молодых исследователей, объединенных интересом к региону Южной Азии. От традиционного формата летней школы «Азиатский диалог» отличался акцентом на научной составляющей и активном взаимодействии экспертов с участниками летней школы в рамках различных запланированных мероприятий. Научная часть мероприятия состояла из экспертных дискуссий, объединявших за одним столом известных представителей научных сообществ России и стран Южной Азии, а также практиков из дипломатических корпусов данных государств. Все экспертные сессии были посвящены наиболее актуальным вопросам отношений России со странами Южной Азии, общим региональным вопросам современного развития и возникающим вызовам. Сопровождение экспертных дискуссий продолжительными сессиями вопросов и ответов (от 30 до 60 минут) обеспечило большую вовлеченность молодых исследователей в сферу профессиональной экспертизы и позволило лучше разобраться в наиболее важных аспектах обсуждаемой проблематики. Образовательная часть «Азиатского диалога» включала в себя мероприятия, на которых участники летней школы могли проявить свои индивидуальные навыки в рамках совместной командной работы. Молодые исследователи приняли участие в форсайт-сессии, ситуационном анализе и дебатах по актуальной проблематике региона Южной Азии и особенностях межрегионального сотрудничества. Дебаты и форсайт-сессия оценивались группой экспертов, задействованных в научной части мероприятия, поэтому участники «Азиатского диалога» смогли получить квалифицированную оценку своим знаниям и умениям.

В «Азиатском диалоге» участвовало 48 студентов, аспирантов, преподавателей вузов, частных предпринимателей и госслужащих из разных стран мира. Наиболее значительным иностранным представительством стало индийское (8 человек). Кроме того, большинство участников составляли иностранные студенты и аспиранты, обучающиеся в российских вузах и представляющие Иран, Узбекистан и другие страны мира. Важной особенностью «Азиатского диалога» стало совмещение на одной площадке представителей научных сообществ Республики Индии и Исламской Республики Пакистан при обсуждении ключевых аспектов системы региональных и межрегиональных отношений. Исключение наиболее острых вопросов индийско-пакистанских отношений из обсуждаемой повестки (в первую очередь Кашмирского вопроса и проблемы трансграничного терроризма) позволило придать диалогу конструктивный формат и сфокусироваться на общих проблемах.

Следует особо отметить высокий уровень приглашенных спикеров. Онлайн-выступление на открытии летней школы чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Республике Индия Дениса Алипова, посвященное российско-индийским отношениям и актуальным процессам в Южной Азии, задавало планку дальнейшим обсуждениям. В «Азиатском диалоге» с докладами в рамках

экспертных дискуссий выступили бывшие послы Республики Индии и Республики Бангладеш в Российской Федерации, директор Русского Дома в Мумбаи, генеральный директор крупнейшего пакистанского аналитического центра «Pakistan House», ведущие научные сотрудники наиболее влиятельного аналитического центра Индии — Института оборонных исследований и анализа (IDSA), руководители и научные сотрудники центров, специализирующихся на индийско-российских отношениях и регионе Центральной Азии при Университете им. Дж. Неру и Мумбайском университете, а также пакистанском Институте стратегического видения (SVI). Российское научное сообщество было представлено экспертами по странам Южной Азии, представляющим ведущие вузы и экспертно-аналитические центры России, среди которых следует выделить СПбГУ, ИМЭМО РАН, ИСАА МГУ, Институт востоковедения РАН и МГИМО МИД России.

Особенности проведения образовательной части

В образовательной части «Азиатского диалога» основной акцент был сделан на интерактивной составляющей и командной работе участников летней школы. Форсайт-сессия «Усиление роли мировых держав в Южной Азии» в день открытия школы была направлена на отработку навыков прогнозирования краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных перспектив взаимодействия стран Южной Азии с ключевыми глобальными игроками. Участники были разделены на пять команд, представляющих Россию, США, КНР, Великобританию и Европейский союз. Каждая из команд предложила свое видение перспектив взаимодействия стран региона с их игроком, определила приоритетные направления и возможные риски для реализации отдельных инициатив.

Ситуационный анализ «Афганский кризис и его влияние на сотрудничество РФ со странами Южной Азии» предварялся мастер-классом по проведению ситуационных анализов от профессора СПбГУ и ведущего научного сотрудника Института международных исследований МГИМО МИД России Александра Князева. Глубокое знание А. Князевым проблематики афганского кризиса и возможных перспектив его развития позволило участникам летней школы подробно обсудить ключевые и второстепенные факторы, влияющие на ситуацию с региональной безопасностью, а также на характер сотрудничества России с Индией, Пакистаном, Китаем и Центральноазиатскими государствами по афганскому вопросу [1].

Наиболее оживленными и динамичными стали итоговые дебаты между участниками школы в рамках магистральной темы «Конфронтация США с Россией и КНР и ее влияние на конфигурацию внешнеполитических отношений государств Южной Азии». На первом этапе были заранее отобраны три пары команд-участниц, которым было необходимо отстаивать или опровергать тезис, заключающийся в вопросе. В частности, для первой пары команд вопрос был следующий: «Смогут ли США предложить такие выгоды от сотрудничества, которые заставят Индию отойти от “стратегической автономии” в пользу более тесного союза с США и странами Запада в долгосрочной перспективе?» И команда утверждения этого тезиса, и команда отрицания должны были сделать вводное пятиминутное выступление в защиту своей позиции, затем привести аргументы против позиции оппонентов, а в конце выступить с контраргументами в ответ на озвученную критику. Жюри из присутствующих

экспертов выбрало из трех пар две команды, чья аргументация и форма подачи материала показали наиболее обоснованными. Финальная пара команд разыграла звание победителя итоговых дебатов, отвечая на вопрос: «Способны ли Россия, Индия, Пакистан и КНР совместными усилиями предотвратить радикализацию режима Талибан* в Афганистане?» В отличие от известных заранее вопросов первого этапа, у обеих команд в финале было всего 10 минут на подготовку своих тезисов и контраргументов. Члены жюри из числа спикеров высоко оценили уровень подготовки всех команд и нашли данный формат очень полезным для целей летней школы.

Научная часть «Азиатского диалога» как основа для взаимодействия и обмена опытом между экспертами и участниками

Следует уделить особое внимание содержательной составляющей экспертных дискуссий, так как обобщение озвученных подходов в контексте широты и сложности обсуждаемых проблем может заметно ослабить общее впечатление от итогов научной части «Азиатского диалога».

Панельная дискуссия «Внеинеполитические приоритеты Российской Федерации и других глобальных игроков в Южной Азии»

В ходе первой панельной дискуссии эксперты обозначили общий характер интересов Российской Федерации, которая рассматривает страны региона Южной Азии в качестве полностью самостоятельных игроков в глобальной системе международных отношений. Большинство участников выразило одобрение выбранному формату мероприятия и его нацеленности на взаимодействие экспертов и молодых специалистов по проблематике южноазиатских стран.

Профессор СПбГУ, известный российский политэкономист и эксперт Валдайского форума Станислав Ткаченко отметил новизну научно-образовательного подхода «Азиатского диалога», посчитав, что подобный формат может предполагать сосредоточенность спикера в своем выступлении на нескольких основных и наиболее актуальных вопросах для всех стран региона Южной Азии и их соседей. При этом обязательное наличие готовых ответов не предполагается, а сам формат скорее помогает сформулировать задачи по разрешению общих вопросов для России и стран Южной Азии. Профессор Ткаченко сделал акцент на том, что российский «Поворот на Восток» можно воспринимать в качестве более широкого контура приоритетов Российской Федерации во всех «не западных» направлениях и выделил важность форматов БРИКС и РИК для внешней политики России [2]. При этом растущее значение БРИКС можно рассматривать в качестве запасного плана для России в случае, если система ООН будет парализована или перестанет существовать в результате обострения глобальных геополитических противоречий. Диверсификация экономических связей в рамках «Поворота на Восток» и рост торгового оборота России с Азией, и в особенности с Индией, позволил России сохранить

* Признан террористической организацией в России.

почти рекордный уровень внешней торговли даже в условиях антироссийских санкций. Эксперт также подчеркнул важность проведения научно-образовательного мероприятия, сфокусированного именно на Южной Азии, так как этому направлению раньше уделялось недостаточное внимание.

Генеральный директор аналитического центра «Pakistan House» Мухаммад Джавед выделил общие стратегические направления взаимодействия для всех стран Южной Азии с Россией, основанные на безопасности, энергетике и экономике. В новом глобальном экономическом порядке Россия играет одну из важнейших ролей, поэтому в последние годы возможность укрепления двусторонних связей с Россией приобретает для Пакистана особую важность, наряду с Ираном, Индией и Китаем [3]. Эксперт отметил, что в существующих условиях российская внешняя политика должны быть больше вовлечена в отношения со странами Южной и Юго-Восточной Азии. Однако по причине санкционного давления на Россию классические форматы сотрудничества не обязательно смогут обеспечить необходимые результаты. Именно поэтому расширение экспертного взаимодействия должно быть направлено на выявление оптимальных путей решения существующих проблем, а вовлечение молодых специалистов в этот диалог позволит качественно развить отношения между нашими странами в будущем. Мухаммад Джавед высказался в поддержку укрепления отношений России с КНР как основы для развития российской внешней политики в Азии. Отдельно прозвучало предложение создать новый переговорный формат для стран южноазиатского региона с целью налаживания более конструктивного диалога по многим общим вопросам на основе «взаимной инклюзивности».

Доцент ИСАА МГУ Борис Волхонский поприветствовал решение организаторов мероприятия пригласить за один стол экспертов из Индии и Пакистана, полагая, что подобный подход может стать действенным способом обсуждения актуальных вопросов в русле «народной дипломатии». Большое внимание в его выступлении было уделено разнице в трактовках концепта «индо-тихоокеанского региона» в МИД России и экспертном сообществе. Трактовка этого размытого концепта зависит от контекста его восприятия сквозь призму американской внешнеполитической стратегии или же индийской. Индийская версия в отличие от американской не несет в себе конфронтационной составляющей в отношении с Китаем, а направлена прежде всего на возможности выхода Индии в Тихий океан через стратегически важный Малаккский пролив. В российском индологическом сообществе регионы Тихого и Индийского океанов воспринимаются в геостратегическом плане скорее как единая акватория в рамках концепции Индо-тихоокеанского региона. Однако российский МИД относится к этой концепции более настороженно, воспринимая ее скорее как политизированную проамериканскую геополитическую концепцию. По мнению эксперта, наиболее продуктивными для взаимодействия стран Азии с Россией в текущей геополитической обстановке может быть формат БРИКС+ через приглашение стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и других объединений в качестве гостей на ежегодных саммитах Группы БРИКС [4]. В таком случае БРИКС+ может укрепиться как альтернативный формат и центр силы в современных международных отношениях, позволяющий расширить интеграцию по широкому кругу вопросов.

Научный сотрудник Центра исследований Центральной Евразии при Мумбайском университете Шоаиб Хан развил идею о том, что Россия в настоящий момент имеет хорошую возможность усилить свое политическое и экономическое присутствие в Южной Азии, опираясь на дружественные отношения с Индией и Пакистаном. Эта политика в том числе может способствовать решению афганского вопроса в контексте обеспечения безопасности центральноазиатских государств. При этом расширение связей Москвы с Исламабадом и Кабулом не должно происходить в ущерб российско-индийским отношениям, которые являются основой для российского присутствия в Южной Азии. Эксперт также отметил укрепление российско-китайских отношений, выделяя роль КНР как важнейшего внешнего актора в Южноазиатском регионе. Межрегиональный формат сотрудничества следует развивать посредством расширения состава ШОС, что позволит проецировать российские интересы не только на Южную, но и на Юго-Восточную Азию. Для дальнейшего развития российско-индийских отношений особое внимание следует уделить развитию проекта международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг» [5]. Активная роль России как внешнего игрока в регионе способна составить конкуренцию западному нарративу в отношении стран Южной Азии с США. Использование российского военно-политического потенциала для защиты национальных интересов в основных регионах Азии и Востока в целом способствует укреплению позиций России и выстраиванию долговременных двусторонних связей со странами региона.

Директор Русского Дома в Мумбаи Елена Ремизова в своем выступлении сделала обзор ключевых особенностей региональных и глобальных связей Индии и индийско-китайских отношений в контексте отношений обеих стран с Россией. Эксперт отметила тесное взаимодействие Нью-Дели со всеми основными глобальными игроками — Россией, США и КНР — в соответствии с концепцией полицентричного мирового порядка. Более того, внимание Нью-Дели к участию в различных незападных форматах взаимодействия (БРИКС, ШОС, РИК) представляет для России особое значение в условиях стремления Москвы к сопряжению этих форматов с Евразийским партнерством для экономического объединения Евразии в рамках инфраструктурных проектов. Была обозначена большая важность осуществления крупных логистических и инфраструктурных проектов Северного морского пути и транспортного коридора «Север — Юг». Однако определенные проблемы в отношениях Индии и Китая являются сдерживающими факторами в развитии проектов региональной интеграции. Помимо торгово-экономической конкуренции и пограничного вопроса эксперт выделила влияние китайско-пакистанских всесторонних связей и стремление Пекина развивать не только торговую, но и военную инфраструктуру в сопредельных странах. При этом у обеих стран сохраняются и взаимовыгодные направления, укрепляющие сотрудничество: двусторонняя торговля, борьба с терроризмом, реформирование СБ ООН, расширение связей в Центральной Азии, формирование многополярного мира. Участие Индии в формате Четырехстороннего диалога по безопасности (Quad), имеющем скрытую антикитайскую направленность, и расширение индийско-американского стратегического диалога вызывают обеспокоенность как в Китае, так и в России. Тем не менее у Нью-Дели и Вашингтона есть ряд расхождений во взглядах на глобальную и региональную политику, поэтому Индия традиционно занимает самостоятель-

ную позицию в ключевых международных вопросах. Это ярко проявилось в нежелании Индии присоединиться к антироссийским санкциям в условиях крайне высокой степени политического давления стран «коллективного Запада» во главе с США на руководство Индии.

Научный сотрудник Института стратегического видения (SVI) Хамдан Хан сфокусировался на изменениях мирового порядка, кризисе глобализации и росте соперничества между мировыми державами, отмечая усилия США по привлечению Индии в орбиту своих интересов вследствие конфронтации с Россией и Китаем. По мнению эксперта, Вашингтону не следует воспринимать Индию в качестве балансира для Китая в Азии, хотя Нью-Дели и заинтересован в сдерживании растущего влияния КНР. Индия игнорирует участие в китайской Инициативе пояса и пути (ИПП), но сохраняет очень высокий уровень торгово-экономического взаимодействия с Китаем. При этом КНР играет важнейшую роль в развитии торгово-экономических и интеграционных проектов в Южной Азии в целом и с Пакистаном в частности (речь идет в первую очередь о проекте Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК)) [6]. Хамдан Хан отметил рост противоречий между стратегической заинтересованностью Москвы в Нью-Дели и усиливающимся индийско-американским взаимодействием в контексте сближения России и Китая. На этом фоне очевиден большой потенциал для торгово-экономического и военно-технического сотрудничества между Пакистаном и Россией, которая традиционно присутствует на нефтегазовых рынках и рынках вооружений стран Южной Азии, в особенности Индии. При этом возможный торгово-экономический потенциал пакистано-российских отношений слабо реализован, а участие в совместных торговых и интеграционных проектах с Россией и Китаем может вывести отношения на новый уровень.

Доцент Специального центра по изучению национальной безопасности Университета им. Дж. Неру Анкур Ядав рассматривал изменение динамики индийско-российских отношений в контексте изменений мирового порядка и поворота России в сторону Азии [7]. По мнению эксперта, происходит деконструкция мирового порядка, созданного после Второй мировой войны. Либеральный мировой порядок по факту не был ни либеральным, ни международным, так как был ориентирован преимущественно на Запад, возглавляемый США. Уважение политического устройства разных стран не может сочетаться с необходимостью повсеместной реализации концепции либеральной демократии в рамках существующего мирового порядка. Именно поэтому Россию, Индию, Китай и другие страны объединяет стремление построить многополярный мир, в котором может быть сохранена национальная идентичность и политическая система различных стран мира. Однополярный мир в рамках доминирования США обречен на разрушение, а значение Китая, Индии и России для становления нового мирового порядка, основанного на многополярности, очень велико.

Панельная дискуссия «Экономические аспекты межрегионального сотрудничества стран Южной Азии с ключевыми торгово-экономическими партнерами»

В ходе второй панельной дискуссии эксперты рассматривали вопросы, связанные с расширением торгово-экономического сотрудничества и особенностями существующей модели торговли в условиях антироссийских санкций. Большое

внимание в обсуждениях было сфокусировано на перспективах интеграционных торгово-экономических проектов в регионе Южной и Центральной Азии с участием России и Ирана, в особенности проекта МТК «Север — Юг» и ИПП.

Чрезвычайный и полномочный посол Республики Бангладеш в России в 2009–2019 гг. Сайфул Хок выступал на русском и сделал историческую отсылку к периоду 1970-х годов, когда СССР и Индия внесли большой вклад в развитие Бангладеш. Поворот в пользу более тесных отношений Бангладеш с Россией произошел после возвращения к власти Шейх Хасины в 2009 г. Из актуальных видов торгово-экономического сотрудничества с Россией приоритетным был назван проект строительства АЭС Руппур, реализация которого стала возможна после открытия Россией кредитной линии для Бангладеш на 12 млрд долл. и подписания российско-индийско-бангладешского соглашения о сотрудничестве в сфере атомной энергетики. Это самый крупный проект в истории Бангладеш, который позволит стране получить новейшие технологии производства мирного атома (ВВЭР III+). Расширение всевозможных сфер сотрудничества Бангладеш и России очень важно для страны с населением 170 млн человек и большими сложностями в экономике, поэтому участие России в подъеме экономики Бангладеш несет очень позитивный заряд для двусторонних отношений. Одним из направлений сотрудничества могла бы стать релокация некоторых видов производств на территорию Бангладеш.

Заведующая кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России Наталья Галищева в своем выступлении отметила, что Индия и Россия входят в число «новых доноров» в мировом хозяйстве с очень схожими условиями предоставления финансовой помощи, что особенно актуально для других стран Южной Азии (в частности для Бангладеш) [8]. Приоритетными совместными проектами могут стать социально ориентированные проекты по сокращению бедности, достижению продовольственной безопасности, восстановлению лесов и очистке рек, озер и сточных вод в странах Южной Азии. Объединение технологий и финансов для проведения подобных проектов в Южной Азии, по мнению профессора Галищевой, очень перспективно в контексте укрепления отношений России и Индии и расширения их влияния в Южно-азиатском регионе. Эксперт также наметила возможные перспективы российско-индийского сотрудничества в алмазно-бриллиантовом сегменте мировой экономики. При этом текущие экономические индексы в российско-индийской торговле, несмотря на рост продажи углеводородов, свидетельствуют в целом о недостаточной заинтересованности Индии в развитии двусторонней торговли с Россией.

Директор Центра исследований Центральной Евразии при Мумбайском университете Санджай Дешпанде сосредоточился на обзоре актуальных аспектов индийско-российских отношений, упомянув пики и спады в 1970–1990-х гг. Период большей ориентации России на отношения с Западом после распада СССР очевидно сменился новым вектором на Восток в 2010-х [9]. При этом Россия отошла от индоцентричной модели своей внешней политики, развивая тесные отношения с Пакистаном на фоне своего сближения с КНР и расширяя рынки сбыта для своего нефтегазового экспорта и вооружений. Китай в отношениях Индии и России приобретает все большую роль в выстраивании новой конфигурации отношений в Южной Азии. Эксперт обратил внимание на то, что Россия традиционно рассматривает Индию в качестве равного партнера, а такие проекты, как МТК «Север — Юг», имеют большой потенциал для двусторонних

отношений в перспективе. Существующие форматы сотрудничества, от научно-го до энергетического и военно-технического, продолжают скреплять российско-индийские отношения. Из новых направлений эксперт выделил важность развития сотрудничества в условиях антироссийских санкций в сферах фармакологии, производства сельхоз удобрений, гражданской авиации, микроэлектроники и инфраструктурных проектов. Одной из наиболее важных задач было названо выравнивание торгового дисбаланса между Индией и Россией. Особое внимание профессор Дешпанде уделил возможности развития совместных проектов со странами Юго-Восточной Азии.

Научный сотрудник Центра европейских и евразийских исследований при Институте оборонных исследований и анализа (IDSA) Раджорши Рой подчеркнул скорость изменений в геополитических и логистических вопросах взаимодействия вследствие конфронтации России с США, которые стремятся заблокировать странам Азии прямой доступ на российский рынок. Эта ситуация серьезно затрудняет взаимосвязи стран региона Южной Азии с Россией. Развитие логистики и торговли помимо традиционной поставки российских энергоресурсов может сыграть важнейшую роль в создании устойчивых торгово-экономических маршрутов между Россией и странами Южной Азии, нарушенных после пандемии COVID-19 и введения антироссийских санкций. Примечательно, что между странами Южной Азии с совокупными показателями ВВП в 4 трлн долл. уровень взаимной торговли остается низким. Поэтому совместные торгово-экономические и инвестиционные проекты при участии России, Индии и Ирана могут дать сильный импульс к развитию региона в целом и межрегиональных связей, сфокусированных на торговле и логистике (в том числе выходах к морю для некоторых стран Южной Азии), коммуникациях, технологиях и человеческих кадровых ресурсах [10]. По мнению эксперта, разные ветки МТК «Север — Юг» могут улучшить взаимные связи между странами и дать ответ на вызовы, стоящие перед странами.

Заместитель руководителя Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН Глеб Макаревич сфокусировался в своем выступлении на анализе соответствия торгово-экономических проектов политическим нарративам на примере МТК «Север — Юг» и проекта КПЭК. Альтернативная проекту КПЭК ветка китайского маршрута через иранский порт Чабахар ослабляла позиции Пакистана как центра логистической цепочки ИПП, но диверсифицировала риски для Пекина. Кроме того, проекту КПЭК противопоставлялся индийский концепт развития торгово-логистической цепочки с выходом в страны Центральной Азии («брильянтовое ожерелье») в обход Пакистана. Изменение динамики развития КПЭК в последние годы связано со сложностями в реализации и использовании территории Пакистана для торгового маршрута из КНР [11]. С самого начала проблемы, связанные с недофинансированием проекта с пакистанской стороны, уровнем квалификации управляющих проектом сотрудников из Пакистана, а также обеспечением безопасности проекта и персонала, заметно снижали темпы реализации КПЭК. В последние годы Китай, по всей видимости, сделал ставку на сотрудничество с Ираном. С 2021 г. Пакистан отошел на второй план в ИПП. Россия после начала СВО в Украине также активизировала реализацию проекта МТК, и сейчас этот проект может быть сопряжен с ИПП. Причем участие Пакистана в этом процессе позволит вывести российско-пакистанские отношения на новый уровень.

Доцент Центра изучения России и Центральной Азии Школы изучения международных отношений Университета им. Дж. Неру Раджан Кумар отметил приверженность Индии политике диверсификации своих внешнеполитических связей, что обусловлено наличием у каждой страны собственных национальных интересов. Этот вектор дополняется концепцией многополярности, в которой Россия и Индия не стремятся к становлению двухполюсного мира во главе с США и КНР [12]. При этом Индия не заинтересована в становлении Китая в качестве главной доминирующей державы в Азии, но развивает взаимовыгодное сотрудничество с Пекином. Индия как представитель стран Глобального Юга развивает двусторонние отношения независимо от давления стран Запада. Индийские эксперты во многом возлагают ответственность за происходящие в Украине события на страны Запада. При этом эксперт усомнился в том, что в перспективе БРИКС сможет играть ту роль, которую на сегодняшний день должен был играть СБ ООН. Также в выступлении был сделан акцент на необходимости скорейшего подписания договоров, усиливающих торгово-экономическое сотрудничество на Евразийском пространстве при ведущей роли России и с помощью Шанхайской организации сотрудничества, для того, чтобы обойти навязанные Западом санкции.

Панельная дискуссия «Очаги напряженности в регионе Южной Азии»

Наиболее продолжительная и наиболее сложная с точки зрения характера обсуждаемых вопросов дискуссия содержала в повестке три основные темы: 1) перспективы радикализации режима талибов* в Афганистане и возможные угрозы для Пакистана, Индии и остальных стран региона; 2) влияние пограничных противоречий в Ладакхе в 2020–2022 гг. между Индией и Китаем на двусторонние отношения и безопасность в регионе; 3) противоречия между Индией, Пакистаном и Бангладеш в вопросе совместного пользования водными ресурсами. В ходе обсуждений все спикеры отмечали сложности установления доверительных отношений с режимом талибов* по ключевым вопросам и отмечали, что только конструктивный диалог по спорным вопросам сможет вывести страны Южной Азии на новый уровень взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами региона, включая Китай, Россию, Иран и др.

Чрезвычайный и полномочный посол Республики Индии в Российской Федерации в 2018–2021 гг. Д. Б. Венкатеш Варма выделил растущую роль Китая в интеграционных проектах Южной Азии и отметил, что присутствие китайских экспертов могло бы расширить конструктивную составляющую дискуссии в рамках «Азиатского диалога». Дипломат подчеркнул заметный рост экономического развития Бангладеш, отметил усиление регионального сотрудничества Индии и Непала и укрепление кооперации в Инициативе стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК) и АСЕАН. Отдельно были обрисованы преимущества взаимодействия с Индией, которая в скором времени станет третьей экономикой мира, для стран Южной Азии, включая Пакистан. Было высказано мнение, что специалистам по региону следует отходить от анализа ситуации в Южной

* Признан террористической организацией в России.

Азии в контексте исключительно индийско-пакистанских противоречий и смотреть шире на возможности развития взаимовыгодных связей. Несмотря на неприятие реставрации режима Талибан* в Афганистане, Индия к настоящему моменту признает необходимость установления отношений и открыла дипломатическое представительство в Кабуле. Дипломатическая работа позволит не доводить существующие разногласия по поводу границ до вооруженной конфронтации с Афганистаном или Китаем. По мнению дипломата, Пекин проводит одностороннюю политику в вопросе границ на линии фактического контроля в обход двусторонних договоров, заключенных в 1990-х. Поэтому, несмотря на высокий уровень взаимодействия в БРИКС и ШОС, а также развитые торговые отношения, пограничный вопрос является главным сдерживающим фактором в индийско-китайских отношениях.

Профессор СПбГУ и ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России Александр Князев в своем выступлении сфокусировал внимание на движении Талибан*. По мнению эксперта, радикализация по примеру 1990-х годов, когда талибы* пошли на слияние с международными террористическими группировками и представляли угрозу всем соседним государствам, возможна в случае, если международное сообщество примет решение о новой интервенции в Афганистан. Деструктивная роль эмигрантских оппозиционных кругов способствует росту эскалации насилия в некоторых регионах Афганистана, например контролируемых Исламским государством в Хорасане (ИГ-Хорасан*). Однако оппозиция, поддерживая террористические движения, противодействующие талибам*, не имеет достаточных ресурсов для успешных действий. В то же время новая гражданская война в Афганистане может быть спровоцирована глобальным противостоянием стран Запада и стран «не-Запада» в существующих геополитических реалиях. Поддержка талибов* данными разведки может способствовать их борьбе с ИГ-Хорасан* и благоприятно отразится на состоянии региона. В частности, Иран, по всей видимости, уже оказывает подобную поддержку афганским талибам*.

Генеральный директор «Pakistan House» Мухаммад Джавед выделил в выступлении ключевые аспекты безопасности в отношениях стран Южной Азии. Во-первых, индийско-пакистанские и индийско-китайские противоречия следует решать в рамках такого механизма, чтобы проблемы в отношениях между этими тремя странами не мешали социально-экономическому развитию остальных стран региона и реализации возможных совместных торгово-экономических проектов. Во-вторых, необходимо обсуждать возможность пересмотра индийско-пакистанского водного соглашения 1960 г., которое Индия стремится изменить после строительства новой ГЭС в 1988 г. В-третьих, важно понимать сложности в отношениях Пакистана с Афганистаном в контексте отношений пуштунских племен по обе стороны Линии Дюранда¹. Враждебность пуштунов к любому иностранному вмешательству дополняется кочевым образом жизни, кодексом пуштунвале и древними традициями гостеприимства². Это усугубляется отсутствием у талибов* традици-

¹ «Линию Дюранда» в качестве границы между Афганистаном и Пакистаном пуштуны не признают.

² Именно этим, по мнению эксперта, объясняется обязательство талибов* после терактов 11 сентября 2001 г. в США защитить Осаму бин-Ладена, находящегося на правах гостя в Афганистане.

* Признан террористической организацией в России.

онной общепринятой формы вертикального управления и функционального правительства, которое могло бы проводить централизованную политику экономического развития страны. Поэтому мирное урегулирование возможно только при наличии внутреннего диалога и консенсуса, а внешние игроки могут только помогать, но не вмешиваться. При этом талибы*, в отличие от группировки ИГ*, никогда не стремились к глобальному халифату, а ограничивали свою власть только территорией Афганистана. Для стабилизации положения в Афганистане большую важность может иметь взаимодействие Пакистана и России, особенно в сфере борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков.

Старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН Ирина Серенко привела текущий анализ ситуации в Афганистане, поставив акцент на недопустимости изоляции этой страны на международном уровне. Существующая неопределенность в намерениях и политике талибов* с 2021 г. вызвана появлением фрагментации талибского* руководства, в особенности появлением разногласий по вопросам методов управления страной между исполнительной властью в Кабуле и ставкой духовного лидера в Кандагаре. С точки зрения обеспечения безопасности талибы* столкнулись с противодействием более 20 террористических и оппозиционных вооруженных формирований, включая ИГ*. Афганистан занимал 1-е место в мире по террористической активности в период 2019–2022 гг. и поставляет около 80% всех потребляемых в мире опиатов. Общее неудовлетворительное состояние экономики и рост числа наркозависимых (от 3,5 до 5 млн человек на 2023 г.) также являются сложнейшими вызовами новым властям Афганистана, где $\frac{2}{3}$ населения страны нуждается в гуманитарной помощи, а 6 млн человек находятся на грани голода. Ставка талибов* на исламизацию общества в соответствии с пуштунским кодексом жизни негативно сказывается на положении афганских религиозных меньшинств, женщин и других социальных групп. В итоге растущая «пуштунизация» страны и укрепление военных подразделений Талибана* может создать угрозу соседнему Пакистану и другим странам региона [13]. Международная дипломатическая изоляция талибов* обусловлена несоответствием их политики руководящим принципам ООН и низким кредитом доверия руководству движения Талибан* на сегодняшний день. В то же время развитие сотрудничества крайне необходимо, чтобы не допустить новую радикализацию движения.

Руководитель Центра изучения России и Центральной Азии Школы изучения международных отношений Университета им. Дж.Неру Арчана Упадхьяй рассмотрела ситуацию в регионе Южной Азии в контексте парадигмы многополярности и призвала учитывать различные точки зрения в трактовке любых геополитических вопросов. Колониальное прошлое определило наличие спорных границ между новообразованными государствами без учета этнонациональных ареалов расселения, историко-культурной преемственности в существующих географических границах такого многонационального и поликонфессионального региона, как Южная Азия. Это привело к колоссальным проблемам в отношениях между странами и различными этносами отдельных стран (например, в индийском штате Ассам).

* Признан террористической организацией в России.

В основе обострения индийско-китайских противоречий, по сути, лежит бурный экономический рост последних десятилетий, который обуславливает усиление конкуренции между странами как в Центральной и Южной Азии, так и в Азии в целом [14]. При этом лидирующая роль Китая в экономическом развитии всей Азии не подлежит сомнению. Именно поэтому Индии очень важно установить баланс в отношениях с Китаем и расширить свое присутствие в Юго-Восточной Азии. Эксперт приветствовала развитие любых переговорных диалоговых форматов на различных уровнях, которые могут способствовать снижению конфликтного уровня между странами Южной Азии и их соседями.

Старший научный сотрудник Центра европейских и евразийских исследований при Институте оборонных исследований и анализа (IDSA) Ашок Бехурия отметил, что сегодня, в отличие от 1990-х годов, ни одна страна, включая Пакистан, так и не признала официально власть движения Талибан*, и это многое говорит о восприятии сегодняшних властей Афганистана на международном уровне. Крайне сложно оказывать гуманитарную помощь афганскому народу и избегать усиления режима талибов* в то время, когда сами талибы* не соблюдают достигнутые ранее договоренности. Сдерживания радикализации талибов* можно было бы достичь посредством проведения в Афганистане реформ, что крайне затруднительно в существующих условиях. Пример Пакистана, ставшего ареной деятельности пакистанского Талибана* [15], свидетельствует о большой потенциальной угрозе со стороны афганского Талибана*, который разделен на три фракции. При этом весь силовой блок контролируется самой радикальной фракцией, которая и определяет текущий политический курс Афганистана. Для успешного диалога необходимо, чтобы талибы* соблюдали достигнутые договоренности. В то же время неясно, каким образом можно направить руководство талибов* в сторону более конструктивного диалога. В любом случае, стабильность Афганистана — залог мира и процветания во всем регионе. Крайне важно не допускать радикализации движения талибов*, иначе регион столкнется с новым долговременным военным кризисом. Поэтому совместные усилия России, Ирана, Пакистана, Индии и Китая будут важнейшей составляющей противодействия радикализации. Что касается проблемы разделения водных ресурсов между Индией и Пакистаном, то предыдущие договоренности, заключенные 62 года назад, явно нуждаются в пересмотре в соответствии с актуальными потребностями. Поэтому данный спор необходимо урегулировать путем переговоров согласно принятым принципам взаимодействия, но с внесением некоторых изменений в существующие соглашения.

Доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ Кирилл Лихачев отметил, что сложности с признанием афганских властей на международной арене связаны с тем, что никакие внешние игроки, включая Китай и Россию, пока не могут в достаточной степени доверять «новому» Талибану*. Отказ движения Талибан* реализовывать предварительные договоренности об инклюзивном правительстве после захвата власти ставит под вопрос договороспособность режима на международном уровне. Потенциал Китая с его обширными финансовыми и техническими возможностями для входа в горнодобывающие, инфраструктур-

* Признан террористической организацией в России.

ные и экономические проекты Афганистана огромен. Но отсутствие гарантий безопасности этих проектов пока что перекрывает ожидаемые выгоды и затрудняет развитие взаимовыгодного сотрудничества. Эта ситуация во многом обусловлена возникающими сомнениями в единстве самого Талибана* в Афганистане, которые усугубляются борьбой талибов* с рядом оппозиционных группировок, включая ИГ-Хорасан*. Ни одна соседняя страна не заинтересована в превращении Афганистана в новый террористический плацдарм, но и процесс интеграции едва ли осуществим в текущих реалиях. Важную роль мог бы сыграть Пакистан, военные элиты которого до последнего времени имели существенное влияние на афганских талибов*. Исламабад, безусловно, заинтересован в укреплении взаимоотношений с Кабулом в условиях жесткой борьбы против пакистанских талибов* из группировки «Техрик-е-талибан Пакистан»*, которые в отличие от афганских талибов* считают власти Пакистана своим главным врагом. Однако Пакистан погружен в сложный политический и растущий экономический кризис, а антагонизм с пакистанским Талибаном* не способствует укреплению отношений с новыми властями Афганистана, которые идейно гораздо ближе к пакистанским талибам*, чем к военно-политическому руководству Пакистана. Что касается особенностей индийско-китайских пограничных противоречий в Ладакхе, эксперт выделил существенное деструктивное влияние этого фактора на двусторонние отношения Нью-Дели и Пекина. При этом отсутствие политической воли по демаркации спорных участков линии фактического контроля делает окончательное урегулирование маловероятным [16]. В то же время переоценивать влияние этого фактора в индийско-китайских отношениях на сегодняшний день не следует вследствие обоюдной торгово-экономической заинтересованности и наличия общих интересов в рамках ряда форматов взаимодействия (в том числе БРИКС и ШОС).

Заключение

Опыт проведения этого смешанного научно-образовательного формата следует охарактеризовать как положительный и весьма перспективный. Подобное мнение было высказано многими участниками и экспертами «Азиатского диалога». Представляется, что обращение к проблематике отношений между странами Южной Азии может способствовать более тесному взаимодействию между экспертами данных стран и вовлечению молодых специалистов в продуктивный диалог, направленный на обсуждение наиболее острых и актуальных тем. Площадка СПбГУ и сама локация Санкт-Петербурга делают этот формат открытым для конструктивных решений, способствующих укреплению горизонтальных научных, экспертных и студенческих связей. Развитию этого научно-образовательного формата может способствовать большая вовлеченность экспертов и участников, представляющих не только страны Южной Азии, но и пограничные страны (прежде всего КНР), страны регионов Центральной и Юго-Восточной Азии, а также Ближнего Востока. Заинтересованность в инклюзивном взаи-

* Признан террористической организацией в России.

модействии и открытом обсуждении существующих препятствий в отношениях является важным условием для вывода диалога между странами на качественно новый уровень.

Литература

1. Князев, А. А. и Гулам, Н. Я. (2023), Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей, *Постсоветские исследования*, т. 4, № 6, с. 426–436.
2. Ткаченко, С. Л. и Койл, У. (2020), БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 13, вып. 3, с. 294–309.
3. Javed, M. (2023), *Russia has a role to play in bringing Pakistan further up the SCO's ladder*. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/russia-has-a-role-to-play-in-bringing-pakistan-further-up-the-sco-s-ladder/> (дата обращения: 05.10.2023).
4. Волхонский, Б. М. (2018), Перспективы и риски, связанные с вступлением в ШОС Индии и Пакистана, *Труды Института Востоковедения РАН*, № 8, с. 195–211.
5. Khan, S. (2022), Eurasian connectivity: Interests of regional and great powers, *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no. 1, pp. 126–141.
6. Khan, H. (2023), *CPEC Never Slowed Down Rather it is Expanding*. URL: <https://thesvi.org/cpec-never-slowed-down-rather-it-is-expanding/> (дата обращения: 05.10.2023).
7. Pandey, S.K. and Yadav, A. (2016), Contextualizing India–Russia Relations, *International Studies*, vol. 53, no. 3–4, pp. 227–257.
8. Галищева, Н. В. и Решикова, М. С. (2023), Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*, т. 15, вып. 1, с. 133–154.
9. Deshpande, S. and Khan, S. (2018), Prehistory of Russia's Relationship with NATO in the New Era (1991-2012). Part Two, *Постсоветские исследования*, т. 1, № 3, с. 306–317.
10. Roy, M. S. and Roy, R. (2019), *India and the SCO: A Vision for Expanding New Delhi's Engagement*. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/india-and-the-sco-a-vision-for-expanding-new-delhi-s-engagement/> (дата обращения: 05.10.2023).
11. Макаревич, Г. Г. (2022), Энергетическая безопасность как один из ключевых факторов внешней политики Пакистана, *Азия и Африка сегодня*, № 10, с. 73–80.
12. Kumar, R. (2022), India's multilateral foreign policy strategy: Phases of its evolution. *The Commonwealth Journal of International Affairs*, vol. 111, no. 3, pp. 426–439.
13. Белокрыцкий, В. Я. и Серенко, И. Н. (2023), Круглый стол «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы», *Вестник Института востоковедения РАН*, № 3, с. 241–262.
14. Upadhyay, A. (2021), 'Religion' in Russia's strategic thinking, in: Upadhyay, A. (ed.), *Transitions in Post-Soviet Eurasia: Identity, Polity and Strategic Choices*, New Delhi: Routledge, pp. 181–199.
15. Behuria, A. K. (2021), *Tehrik-e-Taliban* Pakistan. Origin, Evolution and Future Portents*, New Delhi: KW Publishers.
16. Лихачев, К. А. (2021), Изменение характера китайско–индийских отношений на фоне обострения пограничных противоречий: взгляд из Нью-Дели, *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, № 26, с. 79–96.

Статья поступила в редакцию 15 января 2024 г.;
рекомендована к печати 20 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Лихачев Кирилл Александрович — канд. ист. наук, доц.; likhachevkirill@gmail.com

* Признан террористической организацией в России.

“Asian dialogue” in the context of the global geopolitical turbulence: Review of a new scientific and educational programme of SPbSU and the Gorchakov Fund

K. A. Likhachev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Likhachev K. A. “Asian dialogue” in the context of the global geopolitical turbulence: Review of a new scientific and educational programme of SPbSU and the Gorchakov Fund. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 221–237. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.207> (In Russian)

The review article describes the results of the new scientific and educational program held at St. Petersburg State University in June 2023, as part of a joint project of SPbSU and the Gorchakov Fund. The 1st “Asian Dialogue” was devoted to the problems of South Asian countries, their socio-political, trade and economic issues, as well as relations with the global powers. The organizers combined experts’ discussions with educational activities for the participants of the Summer School, who received an excellent opportunity to communicate directly with a group of well-known experts from Russia, India, Pakistan and Bangladesh. The educational part included debates, a foresight session, situational analysis and a master class. The invited experts took part in most of these activities, so the participants of the summer school got an opportunity to demonstrate their skills in front of a prominent jury. The scientific part included several expert sessions dedicated to the complex issues of relations between South Asian states in the context of current geopolitical turbulence. The key problems of the South Asian region and the specifics of South Asian countries’ relations with Russia were discussed in detail, including the nature of bilateral political, trade and economic relations in the context of anti-Russian sanctions, as well as regional security features. Each expert discussion was accompanied by a long question and answer session from the participants of the summer school, who appreciated this opportunity. In general, both participants and experts expressed their hope for the development of such a scientific and educational format in future.

Keywords: South Asia, international cooperation, summer school, expert discussions, international and regional studies, India, Pakistan, Bangladesh, Afghanistan.

References

1. Knyazev, A., Gulam, N. (2023), The Ethnopolitical Situation in Afghanistan: External Influences and the Involvement of Neighboring Countries, *Post-Soviet Studies*, vol. 4, no. 6, pp. 427–436. (In Russian)
2. Tkachenko, S. L., Coyle, W. (2020), BRICS and a new model of hegemonic stability. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 13, iss. 3, pp. 294–309. (In Russian)
3. Javed, M. (2023), *Russia has a role to play in bringing Pakistan further up the SCO’s ladder*. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/russia-has-a-role-to-play-in-bringing-pakistan-further-up-the-sco-s-ladder/> (accessed: 05.10.2023).
4. Volkhonsky, B. M. (2018), Perspectives and risks, related to the admission of India and Pakistan to the SCO, *Papers of the Institute of Oriental Studies*, no. 8, pp. 195–211. (In Russian)
5. Khan, S. (2022), Eurasian connectivity: Interests of regional and great powers, *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no. 1, pp. 126–141.
6. Khan, H. (2023), CPEC Never Slowed Down Rather it is Expanding. Available at: <https://thesvi.org/cpec-never-slowed-down-rather-it-is-expanding/> (accessed: 05.10.2023).
7. Pandey, S. K. and Yadav, A. (2016), Contextualizing India–Russia Relations, *International Studies*, vol. 53, no. 3–4, pp. 227–257.
8. Galistcheva, N. V. and Reshchikova, M. S. India and China in South Asia: Struggle for Political and Economic Influence in the Region. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, iss. 1, pp. 133–154. (In Russian)

9. Deshpande, S. and Khan, S. (2018), Prehistory of Russia's Relationship with NATO in the New Era (1991-2012). Part Two, *Post-Soviet Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 306–317.
10. Roy, M. S. and Roy, R. (2019), *India and the SCO: A Vision for Expanding New Delhi's Engagement*. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/india-and-the-sco-a-vision-for-expanding-new-delhi-s-engagement/> (accessed: 05.10.2023).
11. Makarevich, G. G. (2022), Energy security as a crucial Pakistan's foreign policy determinant, *Asia and Africa today*, no. 10, pp. 73–80. (In Russian)
12. Kumar, R. (2022), India's multilateral foreign policy strategy: Phases of its evolution, *The Commonwealth Journal of International Affairs*, vol. 111, no. 3, pp. 426–439.
13. Belokrenitsky, V. Y. and Serenko, I. N. (2023), Round table “One-Year Shehbaz Sharif's Government in Power: Results and Prospects”, *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, no. 3, pp. 241–262. (In Russian)
14. Upadhyay, A. (2021), ‘Religion’ in Russia's strategic thinking, in: Upadhyay, A. (ed.), *Transitions in Post-Soviet Eurasia: Identity, Polity and Strategic Choices*, New Delhi: Routledge, pp. 181–199.
15. Behuria, A. K. (2021), *Tehrik-e-Taliban* Pakistan. Origin, Evolution and Future Portents*, New Delhi: KW Publishers.
16. Likhachev, K. A. (2021), The changing nature of Sino-Indian relations against the rising border tensions: view from New Delhi, *China in world and regional politics. History and Modernity*, no. 26, pp. 79–96. (In Russian)

Received: January 15, 2024

Accepted: February 20, 2024

Author's information:

Kirill A. Likhachev — PhD in History, Associate Professor; likhachevkirill@gmail.com

* The organization is recognized as an extremist in the Russian Federation.